

Даниэль Кельман

.....

Даниэль Кельман
.....
Измеряя
Мир

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Гем)-44
К34

Daniel Kehlmann
DIE VERMESSUNG DER WELT

Серия «Шорт-лист»

Перевод с немецкого *Галины Косарик*

Издание публикуется с разрешения издательства
Rowohlt Verlag GmbH

Художник *Екатерина Белявская*
Дизайнер *Яна Половцева*

Кельман, Даниэль.

К34 Измеряя мир : роман / Даниэль Кельман; [пер. с нем. Г.М. Косарик]. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Шорт-лист).

ISBN 978-5-17-095114-7

Германия рубежа XVIII и XIX столетий. Подходит к концу эпоха Просвещения. Двое талантливых мальчишек — барон-аристократ и вундеркинд из бедной крестьянской семьи Александр фон Гумбольдт и Карл Гаусс еще не подозревают о том, что станут великими учеными. Первый — исследователем Земли, объехав почти весь мир, второй — блестящим математиком, лишь изредка покидая родной городок Брауншвейг. После мимолетной встречи в детстве их судьбы расходятся на целую жизнь, неожиданно соединившись в ее конце...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-095114-7

Copyright © 2005 by Rowohlt Verlag GmbH,
Reinbek bei Hamburg, Germany
© Косарик Г.М., наследники, перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ПУТЕШЕСТВИЕ

В сентябре 1828 года величайший математик страны впервые за много лет покидал свой родной город, дабы принять участие в Немецком конгрессе естествоиспытателей в Берлине. Отправляться туда ему не хотелось. Месяц за месяцем он отнекивался, но Александр фон Гумбольдт оставался неумолим, и в конце концов он согласился — в минуту слабости духа и в надежде, что день отъезда никогда не настанет.

И вот теперь профессор Гаусс прятался в своей постели. Зарывался в подушки и, смежив очи, отмахивался от Минны, призывавшей его к подъему: кучер, мол, ждет, да и путь предстоит неблизкий. Наконец он открыл глаза и, убедившись, что Минна все еще здесь, объявил ей, что она несносная аналфабетка и несчастье всей его жизни, омрачившая его преклонные годы. Когда же и это не помогло, он откинул одеяло и спустил ноги на пол.

Кое-как поплескавшись в умывальнике, он ворча сошел по лестнице вниз. В гостиной его дождался сын Ойген с уложенной в дорогу сумкой. Едва Гаусс его завидел, как им овладел приступ ярости: он смахнул на пол стоявший на подоконнике кувшин, рас-

топтал черепки ногами и покушался сокрушить что-нибудь еще. И не успокоился даже тогда, когда повисшие на нем с двух сторон Минна и Ойген принялись наперебой уверять, что в дороге с ним ничего не приключится, что он вообще скоро уже опять будет дома и что все это промелькнет точно дурной сон. Лишь когда его древняя матушка приковыляла на шум из своей комнаты да ущипнула его за щечку, спросив, что же это случилось с ее храбрым мальчиком, он взял себя в руки. Без излишнего пыла простился с Минной, с дочерью, рассеянно погладил по голове младшего сына. И забрался наконец с их помощью в карету.

Поездка была мучительной. Он обозвал Ойгена неудачником и, вырвав у него из рук кривую суковатую палку, с силой ткнул ею сына по ноге. Какое-то время, нахмурившись, он глядел в окно, потом спросил, когда же наконец его дочь выйдет замуж. Почему это никто ее не берет, в чем проблема?

Ойген не отвечал, он принялся приглаживать свои длинные волосы и расправлять обеими руками красный берет.

А ну выкладывай, приказал Гаусс.

Если честно, сказал Ойген, *сестра не такая уж и милашка.*

Гаусс кивнул, ответ был исчерпывающим. И потребовал книгу.

Ойген протянул ему ту, которую только что раскрыл сам: *Немецкое гимнастическое искусство* Фридриха Яна. То была одна из его любимейших книг.

Гаусс попробовал было читать, но уже через несколько секунд оторвал от книги глаза, заявив, что

Die Vermessung der Welt *Измеряя мир*

эти новомодные кожаные рессоры еще хуже прежних. А ведь не за горами время, когда машины помчат людей от одного города к другому со скоростью выпущенного из пушки ядра. И тогда из Гёттингена до Берлина можно будет добраться всего за полчаса.

Ойген в сомнении покачал головой.

Несправедливо и странно, заметил Гаусс, быть заложником того времени, в котором поневоле родился. Прямо-таки пример жалкой случайности существования. За что, собственно, нам посылаются все эти преимущества относительно прошлого, и за что нас делают посмешищем в глазах будущего?..

Ойген, зевая, кивнул.

Даже такой разум, как его собственный, сказал Гаусс, был бы беспомощен в ранние века человечества или где-нибудь на берегах Ориноко, а, глядишь, лет через двести какой-нибудь глупец еще и посмеется над ним да сплетет про него, чего доброго, какую-нибудь околесицу.

Он задумался на минуту, потом снова обозвал Ойгена неудачником и погрузился в книгу. А сын его тем временем уткнулся носом в окно кареты, чтобы спрятать лицо, искаженное от обиды и гнева.

В *Немецком гимнастическом искусстве* речь шла о различных гимнастических снарядах. Автор подробно описывал придуманные им приспособления для упражнений. Одно из них он назвал конем, другое перекладной, третье же — козлом.

Совсем сдурил парень, заметил Гаусс и, открыв окно, выбросил книгу.

Ведь то была моя книга, вскричал Ойген.

Оно и видно, сказал Гаусс и немедленно уснул, очнувшись только когда стали менять лошадей на почтовой станции.

Пока выпрягали старых да впрягали новых лошадей, они ели картофельный суп в харчевне. Сидевший за соседним столом худой мужчина с впалыми щеками и длинной бородой тайком наблюдал за ними. Плотское, заметил Гаусс, которому, к его раздражению, приснились гимнастические снаряды, есть вероятный источник всяческого унижения. Он всегда почитал признаком злого юмора со стороны Господа Бога, что тот воткнул такой дух, как его, в столь хилое тело, в то время как такая заурядность, как Ойген, никогда не болеет.

В детстве у него была тяжелая оспа, возразил Ойген. Он тогда еще чуть не помер. Вон остались следы!

И то верно, согласился Гаусс, он и забыл. И, указав на почтовых лошадей за окнами, заметил, что все же забавно, что богатые люди путешествуют вдвое дольше, чем бедные. Ведь почтовых-то лошадей можно менять на каждой станции. А своим надо дать отдохнуть, теряя на этом время.

Ну и что? спросил Ойген.

Ничего — для того, кто не привык думать, возразил Гаусс. *Как ничего нет и в том, что молодой человек ходит с палкой, а старый — нет.*

Все студенты ходят с такими палками, сказал Ойген. *Так всегда было и будет.*

Предположительно, сказал Гаусс и засмеялся.

Они продолжили молча хлебать суп ложками, пока не вошел жандарм с пограничной станции и не

Die Vermessung der Welt *Измеряя мир*

потребовал паспорта. Ойген протянул ему свою по­ дорожную: сертификат двора, в коем значилось, что податель сего хотя и студент, но вне подозрений и может в сопровождении отца ступить на прусскую землю. Жандарм с подозрением взгляделся в юношу и, изучив его паспорт, оборотился к Гауссу. У того ничего не было.

Ни паспорта, ни какой-нибудь бумажки с печатью, совсем ничего? спросил жандарм, опешив.

У него никогда не было нужды ни в чем подобном, отвечал Гаусс. В последний раз он пересекал границу Ганновера лет двадцать назад. И тогда у него проблем не возникло.

Ойген попытался объяснить, кто они такие, куда едут и по чьему приглашению. Собрание естествоиспытателей состоится под покровительством Короны. В качестве почетного гостя его отец приглашен, по сути, самим королем.

Однако блюститель закона желал видеть паспорт.

Жандарм, разумеется, не может этого знать, сказал Ойген, но его отец известен в самых далеких странах, он член многих академий, его с ранней молодости величают королем математики.

Гаусс кивнул, соглашаясь. Утверждают, добавил он, что сам Наполеон отказался из уважения к нему от обстрела Гёттингена.

Тут Ойген побледнел.

Наполеон? повторил жандарм.

Точно так, сказал Гаусс.

Тогда жандарм потребовал паспорт несколько громче противу прежнего.

Гаусс положил голову на руки и даже не шевельнулся. Ойген толкнул отца в бок, но безуспешно. Ему все безразлично, пробормотал Гаусс, он хочет домой, ему все совершенно безразлично.

Жандарм, сбитый с толку, дотронулся до кокарды.

И тут вмешался человек, одиноко сидевший за соседним столом. Всему этому настанет конец! Германия будет свободной, и ее славные граждане, здоровые телом и духом, станут жить безнадзорно и путешествовать без всяких там бумажек.

Скептически настроенный жандарм немедленно потребовал у него паспорт.

Об том и речь! воскликнул мужчина, роясь в карманах. А потом вдруг вскочил и, опрокинув свой стул, опрометью бросился вон. Несколько мгновений жандарм тупо взирал на распахнутую дверь, пока не пришел в себя и не ринулся за ним.

Гаусс медленно поднял голову. Ойген предложил, не медля, ехать дальше. Гаусс молча кивнул, дохлебывая суп. Жандармская будка пустовала, оба полицейских пустились преследовать бородача. Ойген с кучером, поднапрягшись, подняли кверху шлагбаум. И въехали на прусскую землю.

Гаусс явно ожил, даже повеселел. Заговорил о дифференциальной геометрии. Еще неизвестно, куда заведет кривизна пространства. Ему и самому всё видится пока в самых грубых чертах, счастливы невежды вроде Ойгена, а человеку с понятием бывает и жутковато. И тут он стал рассказывать о том, какая горькая доля ему выпала в юности. Отец его был крут и суров, Ойгену так просто повезло. Считать он на-

Die Vermessung der Welt *Измеряя мир*

учился раньше, чем говорить. Однажды отец его ошибся, отсчитывая месячное вознаграждение, и он заплакал. А когда отец исправил ошибку, он сразу же перестал плакать.

Ойген сделал вид, что впечатлен, хоть и знал, что история эта выдумана. И что выдумал и распространил ее его же брат Йозеф. А отец так часто слышал ее, что и сам начал в нее верить.

Гаусс заговорил о случайности, этом враге всякого знания, которого он всегда хотел победить. Если присмотреться внимательнее, за любым событием можно разглядеть тончайшую сеть причинно-следственных связей. Лишь отступив подальше, замечаешь в ней великие образцы. Таким образом, свобода и случайность суть порождения средней дистанции, все дело в расстоянии. Способен ли он это понять?

Более или менее, устало заверил Ойген и взглянул на свои часы. Шли они не очень-то точно, но по всей вероятности было что-нибудь между половиной четвертого и пятью часами утра.

Однако же правила вероятности, продолжал Гаусс, прижав руки к ноющему позвоночнику, вовсе не обязательны. Ведь они не законы природы, исключения допустимы. К примеру, такой интеллект, как у него, или какой-нибудь выигрыш в лотерею, неотступно выпадающий всегда какому-нибудь болвану. Иной раз он склонен думать, что и законы физики действительны лишь статистически, но возможны и исключения: всякого рода привидения или передача мысли на расстоянии.

Это что — шутка? спросил Ойген.

Он и сам толком не знает, ответил Гаусс и, смежив очи, погрузился в глубокий сон.

Они достигли Берлина под вечер следующего дня. Тысячи домишек без единого центра и плана, стихийное поселение в самой заболоченной местности Европы. Только что приступили к возведению величественных строений: собора, нескольких дворцов, музея для находок Гумбольдтовой экспедиции.

Через несколько лет, сказал Ойген, здесь будет метрополия вроде Рима, Парижа или Санкт-Петербурга.

Никогда, возразил Гаусс. До чего мерзкий город!

Карета прогремела по неровной мостовой. Дважды лошади шарахались, пугаясь собачьего лая; в переулках колеса застревали в мокром песке. Пригласивший их знаменитый естествоиспытатель проживал недалеко от пакгауза № 4, в центре города, сразу за стройкой нового музея. Чтобы гости не заплутали, он тонким пером начертал точное местоположение дома на бумаге. Должно быть, кто-то завидел их издалека и доложил хозяину, потому как едва они въехали во двор, двери дома распахнулись и навстречу им выбежали четверо мужчин.

Александр фон Гумбольдт был старенький, седенький как лунь человек маленького роста. За ним поспешали секретарь с раскрытым блокнотом, посыльный в ливрее и молодой, в бакенбардах, человек с деревянным ящичком в руках. Они встали в такую позитуру, будто давно ее отрепетировали. Гумбольдт простер руки к двери кареты.

Однако ничего не происходило.

Die Vermessung der Welt *Измеряя мир*

Только изнутри слышались какие-то возбужденные голоса. Нет, кричал кто-то, нет! Раздался глухой стук, а потом снова: нет! И опять ничего.

Наконец дверца открылась, и Гаусс сторожко ступил на землю. Вздвогнув, он попятился, когда Гумбольдт, схватив его за плечи, вскричал, мол, какая честь, какой великий момент — для Германии, для науки, для него самого!

Секретарь записывал, человек с ящичком тихо вымолвил: *Самое время!*

Гумбольдт застыл. Это господин Дагерр, зашептал он, не двигая губами. Его воспитанник, работает над прибором, который запечатлеет сей миг на пластинку, покрытую тонким слоем светочувствительного йодида серебра, и вырвет его тем самым из потока быстротечного времени. Пожалуйста, не двигайтесь!

Гаусс сказал, что хочет домой.

Совсем недолго, прошептал Гумбольдт, *минут пятнадцать всего, прогресс уже налицо*. Еще недавно это длилось значительно дольше, на первых сеансах он думал, что не выдержит позвоночник.

Гаусс хотел было увернуться, однако седенький старичок вцепился в него с неожиданной силой, бормоча: сообщить королю! Посыльный припустился бегом. Потом, видимо, чтобы не упустить мысль, Гумбольдт добавил, что надо пометить касательно возможности разведения тюленей в Варнемюнде, условия кажутся подходящими, проверить и доложить ему завтра! Секретарь записал.

Ойген, выбравшийся, прихрамывая, лишь теперь из кареты, извинился за то, что они прибыли в столь поздний час.

Здесь никакой час не считается ни слишком поздним, ни слишком ранним, пробормотал Гумбольдт.

Здесь речь идет только о работе, и она должна быть выполнена. К счастью, еще достаточно светло. Не шевелиться!

Во двор вошел полицейский и справился, что здесь происходит.

Потом, прошипел Гумбольдт, не разжимая губ.

Имеет место скопление лиц с неизвестными целями, заметил полицейский. Всем следует разойтись, иначе он вынужден будет принять положенные в таком случае меры.

Гумбольдт в ответ буркнул, что он камергер.

Что такое? склонился полицейский, не расслышав.

Камергер, повторил секретарь Гумбольдта. Придворный сановник.

Дагерр потребовал от полицейского, чтобы тот вышел из кадра.

Полицейский отошел, морща лоб.

Во-первых, так каждый может сказать, а во-вторых, запрет на скопления касается всех. А этот — он ткнул пальцем в сторону Ойгена — явный студент. А тогда это и вовсе уж щекотливое дельце.

Если он тотчас же не уберется отсюда, предупредил секретарь, то наживет неприятности, какие ему и не снились.

Полицейский, подумав, сказал, что в таком тоне нельзя разговаривать с лицом казенным. Он дает им еще пять минут.

Гаусс, застонав, вырвался на свободу.

О нет! вскричал Гумбольдт.

Die Vermessung der Welt *Измеряя мир*

Дагерр притопнул ножкой. Такой момент — и навсегда утрачен!

Как и все другие моменты жизни, спокойно заметил Гаусс. Как и все другие.

И в самом деле: когда той же ночью Гумбольдт — под заполнивший все жилые помещения храп Гаусса в гостевой комнате, принялся с помощью лупы исследовать медную пластинку, он ничего на ней не обнаружил. И лишь через какое-то время ему почудился там некий неясный клубок привидений, словно бы воспроизводящий какой-то подводный ландшафт. Посреди всего — рука, три башмака, плечо, обшлага мундира и мочка чьего-то уха. Или что-то другое? Вздохнув, он выбросил пластинку в окно и услышал, как она глухо шлепнулась о землю двора. Несколько секунд спустя он забыл о ней — как забывал обо всем, что ему когда-либо не удавалось.